

И. В. Матьцина

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Глубокие перемены, происшедшие за последние пятьдесят лет в социальной, научной и культурной жизни всех европейских (и не только европейских) стран, коснулись и Швеции. Изменившиеся условия жизни вызвали изменения в системе языка, который, в свою очередь, стал важным фактором дальнейших общественных преобразований.

И хотя особенно заметно изменился язык, обслуживающий те сферы жизни, в которых занята молодежь (дошкольное, школьное и вузовское образование, новые отрасли науки и производства), все это лишь заостренное проявление тенденций, характерных для общества в целом.

«История шведского языка продолжается и будет продолжаться, пока существует шведский язык. Однако он непрерывно меняется, и эти изменения, поначалу не заметные для нашего глаза, со временем становятся очевидными, и мы с удивлением замечаем, что формы, выученные в школе, уже не являются единственно верными или — еще того хуже — что они частично или полностью устарели», — пишет Б. Мольде во вступлении к своему сборнику статей¹. О том же, но только еще более категорично говорит и другой шведский лингвист У. Юсефсон², сравнивая нынешний период истории языка с языковой ситуацией XV в. и опасаясь, что в скором времени даже самые образованные люди будут с трудом читать тексты столетней давности.

¹ *Molde B. Svenska idag. Stockholm, 1992. S. 3.*

² *Josephson O. Kom Loss! Lagg av! Ge järnet! Bingo // Svenska Dagbladet. 1986. 01 dec.*

Наиболее динамичен и подвержен изменениям, естественно, лексический слой языка. В чем же эти изменения заключаются? Кратко суть происходящих процессов можно сформулировать так: демократизация, «онаучивание», американизация языка и культуры³. И хотя два первых пункта кажутся несовместимыми, это лишь внешнее противоречие. Всеобщая грамотность — одна из основных предпосылок возникновения письменной культуры. Однако распространение письменной нормы происходит значительно быстрее и легче там, где она достаточно близка к устной, т. е. неформальна.

В последние несколько десятилетий письменная речь шведов пополнилась немалым количеством слов, которые раньше являлись исключительно принадлежностью устной речи. Нормой в газетной статье стали фразы, типа *Ren tank i kåken, Tullen gjorde knarkbeslag*; слова, относящиеся к разговорному стилю, потеснили, а кое-где и вытеснили «книжные»: *andock* → *ändå*; *allenast, blott, endast* → *bara*; *ehuru* → *fastän*; *emedan* → *eftersom*. Сегодняшним подросткам слово *rojke* кажется столь же старомодным, как их родителям — *gosse*, единственно возможная альтернатива сейчас — *kille* (причем даже для взрослых людей, которые, говоря о своих ровесниках, называют их *killar och tjejer*). Отчасти нарушено табу на употребление ненормативной лексики, которую можно услышать из уст радио- и телерепортеров, увидеть в газетных интервью и даже (впервые в истории!) найти в словнике, изданном Шведской академией (SAOL⁴). Как указывает главный редактор словника М. Геллерстам⁵, некоторые из этих выражений мелькают в газетах так часто, что проигнорировать их существование составители сборника не могли и включили в него, например, не только слово *skit*, но и композиты с этим компонентом: *skitbra, skitstövel, skitlukt* и *skitgubbe*. Зато слово *alfons* как безнадежно устаревшее было исключено из списка и заменено словами *sutenör* и *hallick*, которые лучше отражают изменившиеся реалии.

В результате демократизации письменного языка в него вошли (хотя и с некоторыми стилистическими оговорками) усеченные формы *dan* (вм. *dagen*), *stan* (вм. *staden*), *sen* (вм. *sedan*), *lite* (вм. *litet*), *nånting* (вм. *någoting*), которые еще недавно считались сугубо разговорными.

³ Ibid. — Этой же теме были посвящены доклады К. Грюнбаум на «Днях шведского языка» в Москве в 1994 г. и в Новгороде в 1999 г. (*Grünbaum C. Tendenser i modern svenska. Moskva, 1994; Grünbaum C. Vad händer i svenska språket? Novgorod, 1999*).

⁴ SAOL. Stockholm, 1986.

⁵ *Andersson B. Runda ord blir rumsrena i nya upplagan av Saol // Svenska Dagbladet. 1986. 12 oct.*

Другие формы, еще несколько десятилетий назад вполне актуальные⁶, безнадежно устарели: сейчас уже никто не пишет *hava, draga, taga, giva, bliva*, и даже формы *lade* и *sade* понемногу выходят из употребления, заменяясь на более короткие *la* и *sa* (У. Телеман⁷ объясняет это принципом языковой экономии (*den språkliga ekonomiprincipen*), т. е. стремлением языка к простоте и краткости).

Одновременно возвращаются некоторые старые (архаичные) слова: *ej, dock, tu* и целый ряд других (см., например, произведения такого знаменитого шведского писателя, как У. Лагеркранц).

Эволюционные процессы затрагивают не только лексику, но и морфологию и синтаксис шведского языка. Изменяется глагольная парадигма, формы сослагательного наклонения *låge* и *såge* (отчасти даже *voge* и *finge*) большинству молодых людей не знакомы. Глаголы, имеющие параллельные формы и изменяющиеся как по сильному, так и по слабому типу, например *simma — sam — summit* и *simma — simmade — simmat*, постепенно переходят (или уже перешли) в слабое спряжение. Сказанное относится также к глаголам *tvinga, besluta, lyda* и др.

Разговорные формы *mej, dej, sej* все чаще можно увидеть на письме, и даже вариант *dom* (вм. *de* и *dem*) отчасти признается допустимым⁸. Союз *och* под влиянием разговорного языка вытеснил показатель инфинитива *att* в выражениях типа *han håller på och förblöder*. В других

⁶ См., напр.: Миланова Д. Э. Шведско-русский словарь = *Svensk-rysk ordbok*. М., 1985.

⁷ *Lundqvist Å. De nya orden gör verkligheten gripbar // Dagens Nyheter. 1987. 15 feb.*

⁸ Некоторые преподаватели шведского языка, например Г. Персон и Т. Петерсон (*Persson G., Pettersson T. Mig eller mej, de eller dom // Svenskläraren. 1984. N 5. S. 8.*) даже настаивают на проведении реформы, максимально упрощающей, в частности, систему личных местоимений «для уменьшения пропасти, разделяющей людей с разным уровнем подготовки» (*klyftan mellan kunniga och okunniga skribenter*). Под этим «демократическим» лозунгом, они призывают лингвистов избавить язык от «ненужных» сложностей и легализовать, а кое в чем даже усовершенствовать разговорную норму. Система личных местоимений, таким образом, приобретает следующий вид: *ja — mej, du — dej, han — han, hon — hon, den — den, de — de, vi — oss, ni — er, dom — dom*. Правда, сами авторы признаются, что преемственность языка при этом будет нарушена и все, написанное прежде, в скором времени может стать для массового читателя практически недоступно. К тому же изменение системы личных местоимений неминуемо вызовет цепную реакцию и приведет к разрушению системы притяжательных местоимений и появлению форм типа *des, doms, hons* и т. д. (*Meyer O. Ja såg de i hons ögon // Svenska Dagbladet. 1985. 02.21.*)

случаях показатель инфинитива просто опускается, например *jag beslutade gå på festen* или *du kommer få höra mer om detta*.

В результате сближения письменного и разговорного языка сократилась длина предложений и упростилась их структура, причем эта тенденция последовательно прослеживается в текстах любого стиля.

Все это — проявления общего процесса демократизации, который разрушил старую иерархию и сделал общественные отношения более неформальными. Это сказалось на стиле одежды (на смену галстукам и костюмам пришли джинсы и свитера), на стиле общения (традиционные условности и правила этикета потеряли прежнее значение, и даже представители власти начали обращаться к гражданам на «ты» (*du*). Наряду с этими процессами происходила демократизация языка. Учителя в школе стали более терпимыми, меньше уделяли внимания грамматике и правописанию.

«Можно сказать, что в каком-то смысле гимназисты стали писать хуже. Если оценивать сегодняшнее выпускное сочинение по критериям тридцатилетней давности, оно окажется ниже всякой критики», — признается Тур Хультман, преподаватель Педагогического института в Мальме. Однако нынешние выпускники, по его мнению, отличаются от своих родителей большей самостоятельностью в формулировке мыслей и выборе языковых средств⁹.

Как отмечалось выше, процесс размывания границ между жанрами и стилями языка не является однонаправленным: наряду с «демократизацией» письменной речи происходит «онаучивание» речи устной.

Среди факторов, увеличивающих влияние письменной речи на устную, следует назвать рост бюрократического аппарата (особенно заметный после вступления Швеции в ЕС), стремительное развитие техники и производства, появление новых и исчезновение старых социокультурных реалий, расширение межнациональных и международных контактов, а также профессионализацию образования. С раннего детства ребенок начинает готовиться к школе под руководством дипломированного воспитателя (*förskollärare*), продлевается время обучения в школе, занятия приобретают все более теоретическую направленность. Если раньше, например, домоводство называлось *hemkök* (т. е. 'домашняя кухня') — на этом уроке детей учили готовить, — то теперь существует теоретический курс домоводства, со своим учебником, терминологией и тестами.

Стремление языка как можно более полно и точно отразить сложную, непрерывно меняющуюся действительность приводит к возникновению

⁹ *Lundqvist Å. Op. cit.*

огромного количества сложных слов, как окказионализмов, так и более устойчивых комбинаций, которые пополняют лексический состав языка.

«Gatukökens vitaminberikade kebaber funkade som basmat för långpendlare», «Offentliganställda biståndsarbetare MBL förhandlar om flexitid», «Lyx-saneringar, andelslägenheter och smygkontoriseringar snedfördelar bostadskonsumtionen». Подобными примерами пестрят страницы любой шведской газеты, и мало кто задумывается о том, что за исключением артиклей, нескольких союзов и предлогов все слова в этих предложениях молоды — им не более 30–40 лет «от роду»¹⁰. Преимуществом этих композитов является их содержательность и компактность, недостатком — избыточная длина (лексемы, состоящие из трех и более основ — далеко не редкость). Очевидно, в противовес этому процессу, в качестве своеобразной компенсации, в языке увеличивается количество аббревиатур, типа OB, FOA, IT, SYO, усечений *säljchef* (вм. *försäljningschef*), *jämförpris* (вм. *jämförelsepris*), *beställpris* (вм. *beställningspris*), *kombi* (вм. *kombinerad person- och varutransportbil*), *porn* (вм. *pornografi*), *max* (вм. *maximum*), *flexitid* (вм. *flexibel arbetstid*) и т. д.

В Словаре новых слов¹¹ есть даже лексема *lasad* — причастие, образованное из начальных букв слов, входящих в словосочетание *lagen om anställningsskydd*. А метеорологическая служба, которая раньше называлась *Väderlekstjänsten* (Служба погоды), теперь называется *Statens meteorologiska och hydrologiska institut*. Это длинное и абстрактное название известно далеко не всем, и многие употребляют вместо него аббревиатуру *SMHI*, даже не зная, что точно она обозначает.

В основном усечению и упрощению подвергаются имена существительные, реже — глаголы. Например, целый ряд заимствованных глаголов, оканчивающихся на *-era* (*-isera*, *-ifera*) были ассимилированы разговорным языком и подверглись усечению — *aha* (*accelerera*), *difff* (*differentiera*), *reka* (*rekomendera* / *rekognosera*), *sabba* (*sabotera*), *tracka* (*trakassera*).

Примеров американизации языка найти можно немало. По мнению У. Телемана, этот процесс начался в 40-е гг. XX в. вместе с изменением культурной и национальной ориентации Швеции. До этого шведские наука, культура и язык были ориентированы на Германию, однако после Второй мировой войны Швеция постаралась максимально дистанцироваться от Германии и обратила свои взоры к США, все американское стало модным¹², и английский язык сделал

¹⁰ *Lundqvist Å.* De nya orden gör verkligheten gripbar.

¹¹ *Nyord i svenskan från 40tal till 80tal.* Stockholm, 1986.

¹² *Lundqvist Å.* Medierna styr 1900-talet // Svenska Dagbladet. 1986. 01 dec.

ся основным источником иностранных заимствований как в профессиональной, так и в общеупотребительной лексике шведского языка.

«Если не остановить процесс разрушения шведского языка (*avsvenskningsprocess*), то в скором времени он будет напоминать уродливое бесформенное одеяло, многократно залатанное и потерявшее свой первоначальный вид»¹³. «Если мы не будем активно сопротивляться американизации нашей культуры и нас самих, то в скором времени и мы, и наши дети потеряют свой язык и свою культуру»¹⁴. Эти высказывания разделяют двадцать лет, в течение которых многие лингвисты, писатели, журналисты и деятели культуры, обеспокоенные процессами, происходящими в языке, неоднократно поднимали в печати вопрос о необходимости разработки последовательной языковой политики. Особенно активную работу по поддержанию статуса шведского языка вели *språkvårdare* — специалисты, осуществляющие контроль за правильностью и чистотой языка.

Например, в редакции одной из крупнейших утренних газет «*Dagens Nyheter*» был проведен конкурс среди журналистов, пишущих на экономические темы. Цель конкурса — создание шведских эквивалентов для наиболее частотных английских заимствований, таких, например, как *cash management* (шв. *kassaskötsel*), *headhunter* (шв. *talangjägare*), *image* (шв. *profil*), *sleeping partner* (шв. *passiv delägare*), *venture-capitalbolag* (шв. *riskkapitalbolag*) и др.

В журнале «*Språkvård*» регулярно публиковались статьи о правомерности использования тех или иных модных заимствований в шведском языке. При этом оценивалось их соответствие фонетической и грамматической системе шведского языка, рассматривались возможные шведские эквиваленты, подробно анализировались достоинства и недостатки каждого из вариантов¹⁵.

¹³ *De Geer V. Svenska språkets engelska sjuka*. Stockholm, 1962. S. 11.

¹⁴ *Journalisten*. 1984. 10 maj. S. 1.

¹⁵ Например, профессор лингвистики В. Сигурд находит семь шведских слов и словосочетаний, передающих значение английского выражения «*stand up comedian*»: *ståuppkomiker*, *uppstående komiker*, *ståkomiker*, *stående skämtare*, *uppståndelseskämtare*, *uppståndare*, *ståuppare*. Последнее, т. е. *steuppare*, кажется ему наиболее подходящим, так как оно емко, компактно, не имеет дополнительной коннотации (в отличие от *uppsstendare* и *uppstendelseskämtare*, которые ассоциируются со словом *uppstend* 'непенолох') и образовано по модели уже существующих слов типа *gepeare* и *knäppuppare*, зафиксированных шведскими словарями (*Sigurd B. Vad skall en stående skämtare kallas? // Språkvård*. 1993. N 1. S. 22).

В 2002 г. в свет вышел Отчет экспертной парламентской комиссии¹⁶, в котором отмечалась необходимость проведения последовательной языковой политики по отношению к английскому языку для укрепления статуса шведского языка во всех значимых сферах общественной жизни. Для контроля за языковой ситуацией было предложено создать новый государственный орган — Шведский совет по языку.

Интересно, однако, отметить, что, несмотря на вполне оправданное беспокойство лингвистов, влияние английского языка на шведский не столь велико, как кажется. Прямых заимствований не так уж много, в основном происходит калькирование внутренней формы (*befolknings-explosion* вм. *population explosion*) или значения английского слова (лексема *aktiivitet* в шведском языке получила почти конкретное значение: *Barnen ägnade sig åt olika aktiviteter*).

Один из крупнейших шведских лингвистов У. Телеман считает, что в дальнейшем темпы обновления языка будут только увеличиваться¹⁷, и это потребует постоянной ревизии словарей и справочных изданий.

Главным виновником языковых преобразований У. Телеман считает прессу, которая, по его мнению, является законодателем моды в современной Швеции. Для подтверждения своей точки зрения У. Телеман обращается к истории: в XVII в. решающее влияние на развитие языка в стране оказывала церковь, в XVIII — дворянство, в XIX — государственные чиновники. В XX в., особенно после Второй мировой войны, лидирующая роль отошла к прессе, и мобильная, злободневная, охочая до всего нового журналистика стала задавать тон в выборе языковых средств. Известный шведский писатель Т. Линдгрэн называет происходящее «саботажем, в котором участвуют политики, журналисты, «рекламщики» и «технари», и отмечает, что хотя молодые «поколения во все времена «саботировали» старый язык, чтобы на его месте создать новый, лучше отвечающий их интересам, никогда прежде этот саботаж не принимал такие массовые и хорошо организованные формы». Разрушаются сами основы языка, и цель этих действий, по мнению Т. Линдгрэна, — подчинить людей своей власти, сделать общество более управляемым. Язык — синоним человеческого сознания. Упрощение языка означает обеднение сознания¹⁸.

¹⁶ Mål i Mun. SOU. Stockholm, 2002.

¹⁷ Lindqvist Å. Op. cit.

¹⁸ Lindgren T. Medvetandets verktyg är språket // Svenska i skolan. Svensklärarföreningens årskrift. 1986. S. 4–13.

«Мы забыли, что материальная оболочка слова и его значение — общающиеся сосуды, и употребляем материальную оболочку отдельно от лексического наполнения слов»¹⁹. Слова семантических полей «страх», «любовь», «святость» и «радость» теряют свое прямое значение и применяются в сниженном или переносном значении. «*Катастрофы*» происходят на хоккейных площадках, поп-звезды испытывают *ужас* (ångest) перед выходом на сцену, *любовь* в рекламных роликах приравнивается к поездке на “мерседесе” или адресуется “Juicy Fruit”, тренер дает свое *благословение* команде перед игрой, слово “Бог” стало междометием, а *удовлетворение* наступает после занятий сексом. Яркий символ происходящих в языке и обществе изменений — знак вечности — перевернутая восьмерка — которая в современном шведском обществе прочно ассоциируется у людей с товарной маркой универмага “Домус”»²⁰.

«Дом языка разрушен, — пишет Т. Линдгрен. — Ключи от комнат потеряны, дом превратился в пансионат или бордель. Но мы родились в этом доме, и другого дома у нас нет»²¹. Современный язык болен и не может служить для выражения и отражения сознания человека, ему требуется немедленное «очеловечение» и «реставрация», лечение и «дезинфекция»²².

I. V. Matitsina

THE BASIC TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF THE SWEDISH LANGUAGE AT THE SECOND HALF OF THE XX C.

The status of the society is reflected in its language. The language of the society adapts the changing conditions of the life of people, their ideals, orientations and tastes. Deep changes, which took place in the Swedish society in the second half of the XX century, accelerated the process of the language evolution on all levels. The most intense changes are the changes taken place on the level of the vocabulary of Swedish language and its words' structures.

According to Swedish linguists there are three main tendencies in the development of Swedish language during the last decades. They are: «democratization», «americanization» and «scientification» of the language.

¹⁹ Ibid. S. 12.

²⁰ Ibid. S. 11.

²¹ Ibid.

²² Ibid. S.12.